

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ СИНТЕЗ В ВЕЛИКОРУССКИХ ГУБЕРНИЯХ ЮГА РОССИИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД (НА ПРИМЕРЕ КУРСКОЙ И ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИЙ)

А.И. ДУДКА
И.Г. ОНОПРИЕНКО

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: dudka@bsu.edu.ru

e-mail: onoprienko@bsu.edu.ru

В статье рассмотрены процессы взаимодействия и взаимовлияния различных этнических групп, происходившие во второй половине XIX-XX вв. на основе великорусских этнокультурных элементов в Курской и Воронежской губерниях.

Ключевые слова: регион, этноистория, этнокультура, межнациональные взаимодействие и взаимовлияние, этнокультурный синтез.

При изучении процессов межэтнического взаимодействия в каком-либо регионе необходимо учитывать исторический фактор, идти «через специфику культурного прошлого и предшествующего, опыт контактов народов в конкретной обстановке». По мнению одного из ведущих отечественных этнологов Л.М. Дробижевой, прецеденты прошлого могут выступать, как правило, не причиной, а поводом в развитии межнациональных отношений. Исторические символы могут отражать вполне реальные потребности этнической группы¹.

На межэтнические отношения оказывают влияние следующие исторические явления:

а) ход исторических событий, в результате которых складываются отношения между народами;

б) исторические события – символы, сохранившиеся в народной памяти и влияющие на взаимоотношения этносов в последующие исторические периоды вплоть до современности;

в) особенности историко-социального развития контактирующих народов Курской и Воронежской губерний².

В процессе вторичного освоения Днепро-Донского междуречья, где располагается исследуемая нами территория, важную роль играли массовые миграции русско- и украинского населения, которые протекали в рамках процессов этнического разделения. Параллельно им происходили процессы этнического объединения, характеризовавшиеся этнокультурным сближением и слиянием отдельных этнических групп, в разное время оказавшимися в регионе: обогащался их хозяйственный и бытовой опыт, закладывались обряды и традиции, вырабатывались диалекты, формировалось этническое самосознание. Они находили отражение в строительстве поселений и жилищ, в повседневной культуре жителей порубежья.

Для всестороннего анализа характера этнокультурного взаимовлияния следует обратиться к истории освоения этих территорий, а именно, к такому его аспекту, как формирование постоянного состава населения как носителей культурного опыта, который был активно использован в процессе хозяйственно-культурного развития края. Этим подходом определяется наиболее пристальное внимание периоду вторичной колонизации, когда русско-украинское освоение земель между Днестром и Доном завершилось включением огромной территории в состав Московского государства.

¹ Дробижева Л.М. Духовная общность народов СССР; историко-социологический очерк межнациональных отношений. М., 1981. С. 25-27.

² Арутюнян Ю.В. и др. Этносоциология. М., 1998. С. 98.

В процессе вольной и государственной, крестьянской, помещичьей и монастырской колонизации XVI-XVII вв. формировалась этническая карта региона и развивались многообразные этнопроцессы, однако отсутствие точной информации о движении населения, о динамике изменения его качественного состава на исследуемой территории не всегда представляется возможным по объективным причинам (наиболее важной из них является недостаточная сохранность архивных материалов)³.

В результате длительных и весьма сложных перемещений населения череполосное расселение великорусского и украинского населения, а также более компактное поселение в определенных территориях русских или украинцев составили одну из наиболее характерных черт их расселения, чем был предопределен целый ряд особенностей развития материальной и духовной культуры русско-украинского порубежья.

В целом в распределении населения по национальному признаку можно увидеть определенные закономерности: по мере продвижения с севера на юг в общем массиве русского населения увеличивалось присутствие украинского населения, в ряде южных уездов Курской и Воронежской губерний оно составляло весьма значительную часть, преобладавая количественно и в культурном влиянии в Харьковской губернии.

Важным событием, ускорившим заселение южных окраин российского государства, было сооружение в 1635-1653 гг. Белгородской черты укреплений. Уже во второй половине XVII – начале XVIII вв. возникли многие однодворческие села и хутора вокруг крепостей Белгородской черты. Они заселялись служилыми людьми из различных районов Русского государства. Переселенцы происходили из различных городов и уездов: рязанских (Рязань, Шацк, Пронск, Ряжск, Данков, Чернава), тульских (Ефремов, Епифань, Белев, Новосиль), тамбовских (Лебедянь, Чернава) и орловских (Елец). Этнический состав этих переселенцев сложился в результате сложного взаимодействия раннего славянского населения с мигрантами из северных московских и замосковских уездов. В заселении восточных курских земель активное участие принимали выходцы из западных южнорусских районов, из орловских, калужских, черниговских, тульских городов и уездов (Орла, Болхова, Карачев, Мценска, Брянска, Кром, Козельска, Алексина, Белева и др.) Центральные и южные курские уезды – Суджанский, Обоянский, Грайворонский, Белгородский, Корочанский – заселялись выходцами из различных южнорусских рязанских, тульских, орловских

³ Исторически наиболее ранние сведения о систематическом учете населения относятся к 1245 г., когда татаро-монголы учитывали для обложения данью дома («дымы») и не включали население, освобожденное от обложения. Следующим этапом стало появление в России в XIV-XVI вв. писцовых книг, содержащих земельно-хозяйственные описания, на основе которых производилось обложение. Однако и они учитывали только владельцев дворов, а торговое и промышленное население не попадало в поле зрения. При Петре I единицей обложения стал двор, однако Перепись 1710 г. не дала полной информации о населении (несмотря на то, что тогда впервые была предпринята попытка записывать оба пола переписываемых): получить иную информацию, позволяющую проанализировать качественный состав населения, не предполагалось. По Указу от 26 ноября 1718 года вновь вернулись к переписи лиц мужского пола. Через три года сведения были собраны, в течение следующих трех лет они были подвергнуты проверке – «ревизии», что и дало название учетам населения в России – «ревизиям». Десять ревизий (1718, 1742, 1761, 1781, 1794, 1811, 1815, 1833, 1850, 1856 гг.) позволяют проанализировать определенные тенденции в развитии народонаселения, однако их сведения о населении, проживавшем на той или иной территории, были весьма неточными, поскольку учитывали не фактическое число жителей, а только тех, кто числился в списках для уплаты налогов. Наиболее достоверную информацию о населении дала Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 9 февраля (28 января) 1897 года. Она представляет собой единственный источник достоверных данных о численности и составе населения России в конце XIX в. Переписчики свое внимание уделили хозяйству, на которое и составлялся переписной лист, содержащий 14 пунктов. Программа переписи включала в себя социально-демографические характеристики опрашиваемых, брачное состояние, место рождения, вероисповедание, родной язык, грамотность и занятие. Результаты этой переписи были проанализированы к середине 1905 года и опубликованы в двух томах. Их анализ позволяет увидеть определенные результаты этнокультурного взаимодействия на территории исследуемого нами региона.

уездов, а также из более северных среднерусских, в частности, московских уездов⁴. В формировании состава населения края участвовали южнорусские (они преобладали), среднерусские и западнорусские переселенцы.

На территории уездов Курской губернии украинские поселения не составляли такого крупного монолитного массива, как на юге Воронежской губернии. В северо-западной части края они располагались «гнездами» либо крупными зигзагообразными полосами в массивах русских поселений, хотя имелось и чересполосное русско-украинское расселение. Г.И. Булгаков, изучавший расселение украинцев в Курской губернии, выделяет три крупные полосы украинских поселений. Две из них проходили по исследуемой территории: Рыльско-Белгородская полоса украинских поселений шла с запада на восток по пограничной линии с Харьковской губернией, по Рыльскому и Суджанскому уездам. Далее полоса украинских поселений поворачивала на север, захватывая волости Грайворонского уезда, Томаровскую волость Белгородского уезда, Пенскую волость Обоянского уезда. Южная часть этой полосы, разорванной вклинившимися волостями с русским населением, проходила по границе с Харьковской губернией, захватывая Борисовскую, Высоковскую, Головчанскую, Грайворонскую волости Грайворонского уезда, Бессоновскую и Толоконовскую волости Белгородского уезда. Еще одна полоса украинских поселений шла зигзагом по южным волостям Корочанского и Новооскольского уездов. Кроме того, среди русского массива существовали волости с преобладающим украинским населением – Кашеевская Корочанского уезда, Большехаланская и Чернянская Новооскольского уезда⁵. Однако следует заметить, что почти по всей территории Курской губернии, особенно в ее южной половине, были и более мелкие вкрапления украинцев, состоявшие из одного, двух или нескольких украинских поселений; немало возникало и смешанных русско-украинских поселений. В условиях приграничья на протяжении долгого времени основную массу населения составляли отнюдь не крестьяне, а служилые люди, сочетавшие государственную службу по охране южных рубежей с хозяйственной деятельностью. Тогда закладывалось особое отношение к труду как важнейшей ценности, складывалось осознание необходимости оберегать то, что создано своими руками.

В конце XVIII в. в Курской губернии (по данным пятой ревизии, 1795 г.) из 593216 жителей мужского пола 161380 человек числились украинцами, что составляло 27,2% всего мужского населения⁶. Украинцы в Курской губернии по численности были на втором месте и составляли 1/5 всего населения. Пять северных уездов губернии, смежных с Орловской губернией (Дмитриевский, Фатежский, Щигровский, Курский и Тимский) почти на 100% состояли из русского населения, т.е. были «совершенно великорусские», а доля украинцев в них составляла от 0,01% до 1% всего наличного состава. Три центральных уезда Курской губернии Льговский, Обоянский, Старооскольский составляли переходную полосу между северными и южными уездами, где украинское население составляло от 4,48 до 10,74%⁷.

Предметом внимания воронежского историка В.П. Загоровского стало основание городов-крепостей в XVII в. на Белгородской засечной черте. Он рассматривает различные стороны и периоды этого процесса, в том числе и русско-украинское взаимодействие⁸. Другой исследователь, В.П. Менжулин, подчеркивает, что первыми

⁴ Чижикова Л.Н. Русско-украинское пограничье: История и судьбы традиционно-бытовой культуры (XIX-XX вв.). М., 1988. С. 25.

⁵ Булгаков Г.И. Схематический обзор Курского края в культурно-историческом отношении // Курский край. Сборник по природе, истории, культуре и экономике Курской губернии. Вып.1. Курск, 1925. С.95.

⁶ Кабузан В.М., Махнова Г.П. Численность и удельный вес украинского населения на территории СССР в 1795-1959 гг. // История СССР. 1965. № 1. С. 31.

⁷ Подсчитано по: Кабузан В.М., Махнова Г.П. Численность и удельный вес украинского населения на территории СССР в 1795-1959 гг. С. 2-3.

⁸ Загоровский В.П. Белгородская черта. Воронеж, 1969; Он же. Изюмская черта. Воронеж, 1980.

поселенцами края являлись великороссы⁹. Как свидетельствуют материалы Первой ревизии населения Российской империи, в конце царствования Петра I подавляющее большинство населения края были выходцами из различных великорусских губерний и относились к рейтарам, казакам, драгунам, стрельцам, пушкарям, однодворцам городской службы¹⁰.

Во второй четверти XVIII в. началось активное заселение юго-востока исследуемой территории украинцами: в 1722-1727 гг. подданных малороссиян в слободских полках, Белгородской и Воронежской губерниях было 143764 лиц мужского пола, в 1731 г. – 142300, а в 1732 г. – 189562 человека¹¹.

Распределение малороссов по Воронежской, как и по Курской губернии, было неравномерным. Меньше всего владельческих малороссиян в воронежских уездах было в 1731 г. – 1230 душ мужского пола, в 1732 г. – 5562 душ. Из них в Верхососенском уезде было 455 душ в 1731 г., 916 душ – в 1732 г., в Усердском уезде 52 души – в 1731 г., 323 души – в 1732 г. На вновь осваиваемых землях помещики поселяли украинцев, а далее происходило закабаление вольных слободских казаков российскими помещиками и верхушкой казацкой старшины. Однако далеко не всегда последние учитывали интересы первопоселенцев: в 30-40-х гг. XVIII в. украинские слободы основались на землях однодворцев, что приводило в конфликтам. Челобитные однодворцев 1735 г., хранящиеся в фонде Белгородской губернской канцелярии, свидетельствуют о том, что черкасские слободы возникали на землях, принадлежащих однодворцам¹².

Черкасы в первые три года после основания слободских поселений освобождались от оброка, могли беспощинно заниматься винокурением, а также могли свободно переходить от одного помещика к другому. Подобные льготы малороссиян не распространялись на великорусских помещичьих крестьян и однодворцев. Стремясь получить подобные привилегии, в 1775 г. русские крестьяне помещицы Исаковой пытались выдать себя за черкас, что повлекло за собой недовольство властей¹³. Одной из форм протеста против закабаления стало бегство из имений помещиков в украинские слободы помещичьих, монастырских и дворцовых крестьян¹⁴.

Созданием в 1773 г. губернии с центром в городе Харькове закончился процесс заселения свободных земель, что повлекло за собой изменение статуса поселенцев-украинцев: попав в зависимость к русским землевладельцам, они стали называться «поданными малороссиянами» или «подданными черкасами». Это свидетельствовало о завершении в целом формирования этносоциального облика русско-украинского приграничного региона. В его хозяйственно-культурном комплексе переплелись элементы «старочеркасской обычности» и культурного опыта великороссов, однако каждый из этнопотоков сохранял специфику, стремясь передать и преумножить собственный культурно-исторический опыт. Великоросы и украинцы обрели специфические черты характера.

В XVIII – XIX вв. национальная обособленность сильнее была выражена в тех случаях, когда русские и украинцы жили более или менее компактно, в отдельных селах, которые в прошлом представляли определенное хозяйственно-административное и социальное целое благодаря общинным связям, взаимопомощи и т.п. Во второй половине XVIII в. сохранялся примерно одинаковый культурный уровень у русского и украинского населения края. Стремясь сохранить свои традиции и передать свой культурный опыт следующим поколениям соотечественников, они

⁹ Менжулин В.П. Экономическое состояние крестьян Бирючинского уезда в связи с отрицательными факторами их внутреннего быта, хозяйства и внешней природы // Памятная книжка Воронежской губернии за 1903 год. Воронеж, 1903. С. 28.

¹⁰ Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА). Ф. 350. Оп. 2. Д. 484. Л. 15.

¹¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1106. Л. 238-242.

¹² РГАДА. Ф. 405. Оп. 1. Д. 425. Л. 48.

¹³ Там же. Д. 539. Л. 36.

¹⁴ Там же. Д. 490. Л. 65.

стремились заключать браки внутри своих этнических групп. Примером может служить ситуация с уровнем грамотности валуйского населения, который был весьма низок: из 250 глав семейств только один однодворец смог поставить свою подпись¹⁵. Не удивляет то обстоятельство, что, например, однодворцы Валук выдавали своих дочерей замуж за однодворцев прилежащей округи в 20-30 километров. Крайне редкими были браки однодворцев с украинскими казаками, не превышая 3% от общего количества браков. Отсутствие межнациональных браков способствовало сохранению особенностей языка и русской и украинской бытовой культуры.

Процессы взаимодействия в различных сферах жизни сильнее были выражены в районах дисперсного расселения русских и украинцев, особенно в национально-смешанных селах. В «Этнографических очерках Богучарского уезда», напечатанных в «Памятной книжке Воронежской губернии на 1865-1855 г.», указывается на различие позиции русских и украинцев уезда к различным сторонам их взаимоотношений: «Великороссы.. разделяются на две категории: на живущих отдельными поселениями и живущих в одних поселениях с малороссами. Малороссы, хотя вообще косо поглядывают на них, тем не менее, принимают к себе на жительство. Причина этого, т.е. приема в члены своего общества людей нелюбимых, та, что москаль всегда ставит обществу хороший могоарыч, а уж когда дело коснется до могоарыча, там богучарцы, по их собственному выражению, примут на жительство хоть татарина, или даже самого черта – недаром же они приобрели лестные отзывы: «богучарцы любят пить по «чарці»¹⁶.

Великоросс, поселившись рядом с украинцем, «и не думает идти по проторенной веками колее хохлацкой жизни: он живет особняком; трудится, что называется, до кровавого пота, не думая о паляницах и сале, ест мякинный хлеб с луком и квасом, а все, что получше, везет на базар. Малороссы начинают смеяться над москалем, но он не обращает на это ни малейшего внимания. Проходит лет пять-десять, смотрят: москаль уже побрякивает деньгами, нанимает работников, одним словом, живет лучше давних обитателей слободы. Вот тут-то и пойдет брань на москалей за то, что москаль живут как свиньи, и едят еще хуже и т.п.»¹⁷. Тем самым подчеркивая, что отношение к труду у двух славянских народов может быть весьма различающимся, но «конечно, нет правил без исключения».

Великороссы и малороссы, живя столько времени рядом, имея общие интересы, сталкиваясь постоянно в торговых и разных общественных и частных делах, не могли не позаимствовать друг у друга некоторых черт не только внешних, но и внутренних, причем эти заимствования далеко не всегда были положительными. В одежде можно увидеть не только нивелировку национальных различий, но и известную типизацию: «Одежда мужчин великороссов совершенно та же, что и в великорусских уездах Воронежской губернии, только лаптей нет». Аналогичные процессы происходили с женским костюмом: «Женщины утратили свой прежний костюм; кичек, сорок и т.п. уже и в помине нет, и только в некоторых семействах женщина надевает кичку один раз в жизни, именно: после венчания, когда ее покрывают. Нынешний костюм великороссийских женщин состоит: или из белой вышитой рубахи и ситцевой юбки, или же – у живущих близ границы Земли Войска Донского – из красного ситцевого платья, из тех какие носят казачки. На голове, как у первых, так и у вторых, просто платки»¹⁸.

В процессе длительных двусторонних контактов сформировался особый приграничный диалект, который, по мнению авторов очерков, представляется им неподправимым искажением каждого из языков: «Язык, которым говорят жители Богу-

¹⁵ Государственный архив Воронежской области. Ф. 18. Оп. 1. Д. 31. Л. 38.

¹⁶ Этнографические очерки Богучарского уезда // Памятная книжка Воронежской губернии на 1865-1855 г. Воронеж, 1867. С. 172.

¹⁷ Там же. С. 173.

¹⁸ Там же. С. 175.

чарского уезда – очень искажен. Малороссы, особенно молодежь, так коверкают свой язык, что иногда бывает даже невозможно понять, о чем говорится. Великороссы тоже, желая говорить по малороссийски, страшно коверкают свой язык, но все не так, как малороссы»¹⁹. Эта область контактов двух народов оказалась наиболее подверженной изменениям: в ней, как в зеркале, отразились те перемены, которые происходили в разных сферах их жизнедеятельности. Готовность найти «точки соприкосновения», создав новые языковые формы («исказив», по мнению авторов, язык) может расцениваться как стремление к заимствованиям и желание создать нечто новое, понятное и близкое народам-соседам.

О. Никонов, описывая быт и хозяйство малороссов в Воронежской губернии во второй половине XIX в., обращает внимание на большие различия, сохраняющиеся между русским и украинским населением: «...Все малороссийское народонаселение в Воронежской губернии – пришлое. Оно пришло сюда... из Украины... – после и вследствие уничтожения Сечи, упразднения украинского самостоятельного казачества и приобретения Новороссийского края. Три эти события ...вливали на движение малороссов с запада на восток»²⁰. Далее он останавливается на различиях в расположении и общем облике малороссийских и великорусских селений: «Главное, что прежде всего бросается в глаза, это – всегда опрятная, выбеленная наружность хаты, даже самых бедных, с серыми, красными, а чаще желтыми каймами вокруг дверей и окон; хаты эти никогда не отставляются от плановой линии внутрь двора, как у русских, а или всей своей длиной, или по крайней мере одним концом выходят на улицу». В больших слободах имелись дома, в которых 3 и 4 комнаты имели на улицу по два и по три окна. Однако «улицы – даже в лучших слободах – редко бывают прямые и довольно широкие; но вообще кривы и узки, однако чисты». Ряды малороссийских хат могли быть «длинные без всяких промежутков; усадьбы чрезвычайно узки и длинные», а хаты и коморы (амбары) ставятся почти вплотную друг к другу, составляя «почти сплошную линию»²¹.

По мнению автора, «беглого взгляда на сложение и деятельность малоросса и великоросса» достаточно, чтобы увидеть между ними великую разницу. «Кадровые унтер-офицеры всякому скажут, что ни с одним русским новобранцем не бывает им такой муки, как с хохлом: у него, дескать, не одну, спину да колени правишь, а шею и пятки... Постановка головы на плечах и строение ног у малоросса другая, чем у русского: он не только по большей части сутуловат, но и с выдавшимися вперед и вверх плечами; ноги полусогнуты и оконечности их на ходу всегда отстают от корпуса. От этого походка малоросса тяжела и медленна. Приемы (ухватки) вялы, или подчас уже слишком порывисты, но только на короткое время; силы вообще вдвое слабее русского»²².

Стремясь быть объективным, исследователь отмечает различия в пище, занятиях, в духовной культуре. «В нравственном и религиозном отношении малороссы вообще все стоят гораздо выше великороссов, только разве круглый сирота-малолеток, проводящей жизнь в пасении чужого скота, не знает толком нужнейших молитв, все же вырастающие в семействах знают их; к посещению богослужения в праздничные дни, а равно и к домашней молитве малоросс также гораздо усерднее русского. Притом нужно заметить, что усердие несравненно реже бывает наружным у первого, чем у последнего»²³. В заключении работы О. Никонов останавливается на «оригинальных понятиях... малороссов о домашней чистоте. Хаты снаружи и внутри белятся очень часто; домашние иконы украшаются множеством цветов; битый глиняный пол в хате малороссийская женщина смазывает вновь непременно каждую субботу и зимой и ле-

¹⁹ Этнографические очерки Богучарского уезда // Памятная книжка Воронежской губернии на 1865-1866 г. Воронеж, 1867. С. 217.

²⁰ Никонов О. Быт и хозяйство малороссов в Воронежской губернии // Памятная книжка Воронежской губернии на 1879-1880 г. Воронеж, 1881. С. 247.

²¹ Там же. С. 251.

²² Там же. С. 253.

²³ Там же. С. 265.

том, то же делает и с печным шестком; а тряпки, употребляемые при стирке всегда черные как уголь». Удивителен вывод, который он делает: «...Где не видно со стороны — там, при кажущейся чистоте, царит изумительная неряшливость»²⁴.

Во второй половине XIX – начале XX вв. под воздействием изменений в социально-экономической сфере, двусторонние контакты активизировались, разрушалась замкнутости быта, нивелировались многие культурно-бытовые особенности и формировались общие черты культуры.

Быт населения в торгово-промышленных слободах в конце XIX в. подвергался влиянию городской цивилизации. Это выражалось в разговорной речи, в изменении украинских фамилий на русские, в замене национальной одежды городским костюмом, в вытеснении обрядовых традиций, что не могло не оказывать известного воздействия на национальное самосознание славянских народов. Смешение русских и украинских бытовых особенностей придало специфику этнокультурному комплексу, сложившемуся в крае: традиции, обычаи, одежда, говор, песни, сказки, предания смешались, но каждый из народов сохранил свою этнокультурную специфику.

Этнокультурный синтез в двух великорусских губерниях юга России – Курской и Воронежской – в пореформенный период стал завершением процессов, начало которым было положено вторичной колонизацией южнорусских территорий, происходивших при самом активном участии русского и украинского населения и ведущей роли российского государства, определявшего основные направления, содержание, формы процессов этнокультурного взаимодействия.

В комплексе культуры российско-украинского приграничья можно условно выделить несколько пластов. К первому относятся традиции, свидетельствующие об этногенетическом родстве двух восточнославянских культур; второй составили особенности национальных культур русских и украинцев; третий – культура, оформившаяся в процессе длительного историко-культурного развития и взаимодействия двух народов; последний же пласт представляет культура русских и украинцев, сформировавшаяся в конце XIX в. под влиянием городской культуры, практики отходничества, а, кроме того, в результате включения в торгово-промышленную деятельность сельского населения края. Подобное деление носит в определенной мере условный характер, поскольку в живой ткани культурной действительности они были тесно переплетены и взаимосвязаны, а феномен культуры, сложившейся в русско-украинском приграничье на территории Курской и Воронежской губерний, стал результатом этнокультурного синтеза, происходившего на протяжении весьма длительного времени и ускорившегося в пореформенный период.

ETHNIC AND CULTURAL SYNTHESIS IN SOUTHERN RUSSIAN PROVINCES IN POST-REFORM PERIOD (EVIDENCE FROM KURSK AND VORONEZH REGIONS)

**A.I. DUDKA
I.G. ONOPRIENKO**

*Belgorod National
Research University*

e-mail: dudka@bsu.edu.ru

e-mail: onoprienko@bsu.edu.ru

In the article ethnic and cultural synthesis in southern Russian provinces in post-reform period are viewed from Kursk and Voronezh regions.

Key words: region, ethnic history, ethnic culture, international contacts, ethnic and cultural synthesis.

²⁴ Там же. С. 272.